

Стас Тшуров

Осенняя страна

Психоделическое
фэнтези

Стас Туров
Осенняя страна.
Психоделическое фэнтези

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22817504
ISBN 9785448371943*

Аннотация

Молодой человек попадает в страшную автомобильную катастрофу, в которой едва не гибнет. После столкновения он обнаруживает себя невредимым в лесу около смятой в гармошку машины. Пытаясь выбраться из чащи, он встречает странное существо...

Содержание

1	5
2	12
3	15
4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Осенняя страна Психоделическое фэнтези Стас Туров

*Посвящается моей Матери, а также всем
Матерям в мире – прошлым, настоящим
и будущим.*

*Отдельная благодарность Зигмунду Фрейду
и его теории Эдипова комплекса. Зигмунд,
слишком много кокаина!*

© Стас Туров, 2017

ISBN 978-5-4483-7194-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Первое, что я увидел перед собой, были искореженные куски металла, когда – то называвшиеся машиной. Ободранная дверь лежала прямо передо мной, будто смятая невиданным великаном. Из груди тогда, помню, вырвался булькающий звук, то ли стон, то ли сдавленный вопль. Я помнил, что мгновение назад мы с друзьями ехали по трассе домой – счастливые, что рабочая неделя наконец окончилась, мечтающие о бане на даче и всевозможных закатках и соленьях, заботливо заготовленных моей мамой.

Я не мог понять, почему вдруг я оказался посреди леса, возле машины, совсем один. Голова болела так сильно, словно некий безжалостный палач вбил раскаленный гвоздь мне в череп, позабыв вынуть его обратно.

Автомобиль был смят в гармошку. Меня окружали сосны – огромные, величественные, царапавшие небо пахучими иглами. Тогда я не знал, что в этом месте не растет почти ничего, кроме хвойных пород, не знал, что меня окружают тысячелетние горы. Нет, в своем сознании я все еще находился под Брестом, всего в нескольких километрах от своей дачи.

Боль в голове вдруг вспыхнула с такой яростью, что согнула меня пополам, поставила на колени. Из глаз брызнули слезы, а затылок и темечко будто разваливались на куски.

– Аааааааа... – булькающий стон, вот и все, что я смог

выдавить из груди.

На теле не было ни царапины, и я не мог понять, почему голова болит столь сильно. Свернувшись калачиком, я лежал у искореженной двери, не в силах выдавить из себя крик, и лишь изредка дергаясь от приступов адской боли.

Мне было страшно. Лес, необычайно тихий, будто замер вокруг, лишь изредка взмахивая крыльями невидимой птицы, или тихо потрескивая упавшей с дерева веткой.

Кое – как я встал, опираясь на машину.

– Помогите! По – мо – ги – те! – что есть силы закричал я. Отчаянье охватило меня с такой силой, что я забыл даже о головной боли.

Неожиданно мне показалось, что я услышал далекий крик справа от себя.

Я замер.

Те моменты, когда каждая клеточка твоего тела превращается в слух, те моменты, когда биенье твоего сердца – лишний, омерзительный шум, моменты, когда нервы натягиваются подобно корабельным канатам в шторм...

– Хэй! – чей-то крик эхом разнесся между исполинских деревьев.

Я бежал навстречу спасительному голосу, не обращая внимания на липкую паутину и то и дело хлеставшие по лицу ветки.

Выбежав к невысокому холму, окруженному, как мне показалось, идеальным кругом из сосен, я увидел очень стран-

ного человека. Его одежда состояла из беспорядочно свисающих лоскутов ткани, пучков травы, сосновых игл, веточек, и напоминала охотничий костюм «Леший», однажды виденный мной по телевизору.

В руках он держал лук с положенной на тетиву стрелой, которая, к счастью, смотрела в землю.

Лицо незнакомца выглядело худощавым и вытянутым, а кожа отливала болезненной бледностью. Уши стрелка были необычайно большими, заостренными, оттопыренными. Его внешность напоминала карикатуру на эльфа из саги «Властелин колец», реалистичную и живую.

Незнакомец глядел на меня, прищурившись, холодными, почти прозрачными голубыми глазами.

– Здравствуйте, – я улыбнулся, приветственно раскинув руки в стороны.

Резкая боль пронзила правую кисть, заставила меня согнуться пополам. Стрела пригвоздила мою руку к дереву.

Я чувствовал вибрацию ее древка, и трясся от страха и боли. Серый круг неба над головой завертелся волчком.

Меня вырвало, кажется, на грудь.

Я увидел перед собой лицо стрелка. В его холодных, прищуренных глазах читалась усмешка.

– Ты ведь не знаешь, кто я? – спросил он странным, отрывистым голосом.

– М-м-м-м-м-м, – промычал я в ответ, отрицательно качая головой.

– Откуда ты пришел?

Мне показалось, что я начал рассказывать стрелку об аварии, о машине, смятой в лесу, но по выжидающему лицу собеседника понял, что весь монолог происходит у меня в голове.

– Х-у-у-у-у, – выдохнул я.

Темнота.

Я не понял сразу, где нахожусь. Я попробовал встать и осмотреться, но понял, что крепко-накрепко привязан к холодному столу. Даже моя голова была четко зафиксирована, и не было ни единой возможности смотреть по сторонам.

Я видел лишь огромный сводчатый купол зала, поражающий своей мрачной помпезностью, и украшенный деревянными вставками с затейливой резьбой.

В куполе тут и там имелись отверстия, не то проеденные временем, не то носившие иной характер – религиозный или научный. Сквозь отверстия пробивался мертвенно – холодный лунный свет.

Странно, что все это время я оставался настолько спокойным: нереальность происходящего просто не укладывалась в рамки моего сознания.

Собрав все силы, я снова попытался встать. В этот раз я смог слегка повернуть голову. Моя правая рука ужасно болела. Наверное, ее раздуло от крови и гноя: я чувствовал,

как ремни, или веревки, которые удерживали меня на месте, врезаются в плоть.

Каждое движение конечностью доставляло нестерпимую боль.

Я осознал это также внезапно, как и запаниковал.

Я начал что есть силы скрестись здоровой левой рукой о столешницу. Пальцы ощущали шершавую каменную поверхность.

Так вот, почему мне так холодно. Меня затрясло.

Кажется, я лежу абсолютно голый на громадном валуне, больше похожем на алтарь.

Мне очень страшно.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а! – заорал, словно одержимый, как вдруг испугался – если мой крик слышали, могут прийти.

Что будет тогда?

Рядом что – то взорвалось с невероятной силой. Мгновением позже я осознал, что взорвалось в моей голове, растекаясь по черепу кошмарной пульсирующей болью.

Купол закружился. Кажется, я снова теряю сознание...

– Отпустите меня! А-а-а-а-а! Пожалуйста! – я ревел, как младенец, умоляя человека с огромными ушами остановиться.

Он не обращал на мои крики никакого внимания. Бормотал под нос какой – то бред и хладнокровно отпиливал мою правую кисть.

Я конвульсивно дергался и кричал.

Меня вырвало, и я начал захлебываться: человек, стоявший у изголовья алтаря, ударил меня кулаком в грудь, и я снова задышал.

– Мама, мама! Помогите! ЗА ЧТО?!

Они только бормотали свои молитвы, или заклинания, и их бледные худощавые лица выглядели отрешенными.

Я услышал звук перепиливаемой кости. Секундой позже пришла такая боль, какой я не испытывал никогда в жизни. Это несравнимо. Я не мог вскрикнуть, просто сжал зубы и левую ладонь в кулак, и зажмурился.

Наверное, я потерял сознание, или это была галлюцинация?

Я ощутил себя десятилетним, смотрящим из окна нашего дома во двор.

Вся семья готовится к какому – то празднику, по хате тут и там снуют женщины, которыми руководит горластая тетка, мамина сестра.

А на улице мужики вместе с отцом, тогда еще живым, забивают свинью. Со смехом они выволакивают визжащую скотину в центр двора, и переворачивают ее на бок.

Отец достает нож – огромный, тогда он казался мне как минимум сказочным мечом.

Папа приставляет нож к середине груди животного и что есть силы бьет молотком по рукояти. Свинья визжит так, что в форточках вибрируют стекла, и даже постоянно орущая

тетка, кажется, умолкает.

А отец все забивает нож в свиное сердце. Мужики одоб- рительно ухмыляются и кивают. Папа отходит в сторону, и я вижу, как пульсирует рукоять ножа – то невероятно быстро, то почти неуловимо.

Бдительные женщины замечают меня у окна и оттаскива- ют на кухню. Кажется, они за что – то меня отчитывают, а я все смотрю на стоящую у стола маму.

Она чем – то занята и не замечает ничего вокруг.

Почему – то у нее очень задумчивое и отрешенное лицо.

Я почувствовал, как проваливаюсь из детства куда – то вниз, я падаю...

2

Наташа ждала сына у окна, как когда-то в детстве, когда он возвращался с рыбалки или из клуба с друзьями. Здесь же, на крыльце, у окна, когда тихим осенним вечером он отправился в инженерный кружок, и вернулся избитый, в изорванной одежде, Наташа промывала рассеченные губы перекисью и ободряюще улыбалась трясущемуся от шока Глебу. Случайно она видела, как сын поцеловал здесь девушку, и замерла, страшась спугнуть волшебство первой любви.

На этом крыльце, у окна, Наташу хватил удар, когда Глеб пятые сутки не объявлялся дома. И здесь же они отмечали его счастливое возвращение – он всего лишь заблудился в лесу, так он сказал тогда всем.

Она помнила, как Глеб, гордый, сказал, что устроился работать инженером, да, теперь он настоящий ученый! Ее сын – ракетчик! Наташа улыбалась, и думала, что вряд ли гордость сына сильнее ее, материнской.

Глеб опаздывал на несколько часов.

– Аппарат абонента выключен, или находится вне зоны действия сети, – все твердил женский голос, не в силах поменять ни порядок слов, ни даже интонацию.

Ветер за окном срывал желтую листву, швырял ее в грязь, обезображивая клочки нарядных древесных платьев. Хмурое вечернее небо творило знаменья быстро перетекающи-

ми, тяжелыми тучами. Иногда, на мгновение, порывы ветра стихали, и деревья выпрямлялись, тихо сбрасывая последние обрывки привычных одеяний.

– Осенняя страна, – зачем-то вслух сказала Наташа.

Раздался звонок мобильного.

Женщина внимательно, даже строго посмотрела на дисплей – звонил не Глеб.

– Алло! – раздался в трубке незнакомый мужской голос.

– Да? – осторожно спросила Наташа.

– Вы – мать?

– Да.

– Хольма Глеба Петровича?

– Что с ним? Кто вы?

– Пожалуйста, если у вас есть еще какие-то документы, привозите их в районную больницу. Ваш сын попал в аварию, и сейчас находится в реанимационном отделении.

– Что случилось?

– По приезду спросите Павла Игоревича, это старший хирург.

– ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?!

– Авария. Пожалуйста, не волнуйтесь. Мы делаем все, что в наших силах.

Гудки.

Областная больница встретила пестрыми огнями и серыми, мокрыми от дождя стенами. Наташа выскочила из машины, забыв в очередной раз поблагодарить соседа, Сергея,

повезшего женщину сквозь бую к сыну.

Когда – то в регистратурах сидели толстые, старые женщины, лениво отвечающие на вопросы и то и дело поправляющие накрахмаленные воротнички.

Им на смену пришли молоденькие практикантки, по-наивному глядящие на посетителей с той стороны защитного стекла.

– Как попасть в хирургию? – от волнения Наташин голос дрожал.

– Левое крыло, третий этаж.

Женщина взлетела по лестнице, ничуть не поменявшейся после капитального ремонта.

В крыле было тихо. Медсестра рассказала, что Павел Игоревич проводит сейчас операцию молодому парню. Едет нейрохирург.

Ничего сказать пока нельзя.

«Нейрохирург, – подумала Наташа. – Боже, мозг...»

Осталось только дойти до реанимационного отделения и ждать.

Ждать.

В груди, чуть ниже горла, но выше сердца, застыл вязкий, тягучий ком. Женщина разрыдалась впервые за вечер, стоя посреди больничного коридора, в тяжелом от октябрьского дождя пальто.

3

Первое, что я ощутил, было похоже на холод. Он обволакивал мою голову, струясь по затылку и макушке. Холод был мокрым, журчащим, похожим на лесной ручеек. Я повернул голову в сторону, и в нос тут же попала вода, заставила меня фыркнуть и приподняться на постели.

Постель?

Я лежал в окружении дремучих сосен, которые древними шпильями разрывали небеса над землей. Моя голова преграждала пусть тонкому лесному ручейку, который тут же вспомнил, где было его старое русло, и с деловитым журчанием потек по своему привычному маршруту.

Кисти не было.

Я смотрел на обмотанный промасленными тряпками обрубок, бывший раньше моей рукой. Странно, но я ощущал ее, словно она все еще на месте, и нет никакой боли, просто стала невидимой в этом безумном, кошмарном лесу.

Я попробовал стиснуть правую кисть в кулак – и почувствовал, как мои пальцы сжимаются, повинуются мне, как натягиваются невидимые связки, как неостриженные ногти впиваются в ладонь, напоминают – ты жив, хозяин, все в порядке, сжимай крепче кулаки!

Неожиданно я вспомнил сериал, который смотрел в детстве. Что – то про исследование паранормальных способно-

стей, борьбу с нечистью и поиск иных измерений. Обычный псевдонаучный сериал, один из тех рычажков, которые заставили меня заняться настоящей наукой.

Одна из серий была о мужчине, потерявшем свою руку во время починки трактора, кажется. И неким непостижимым образом он сохранил энергетическую оболочку руки, научился управлять ею, передвигая предметы невидимой кистью. Кажется, с ее помощью он даже кого – то спас.

Я попытался поднять с земли сосновую иглу. Представлял, как мои пальцы сжимают ее, пытался ощутить это – нет, я даже ощущал, даже укололся о ее острие, даже... Игла лежала на положенном месте, и не думая двигаться.

Я махнул по земле левой рукой, и волна игл и сухих веточек взметнулась к ручью, чтобы унести вместе с потоком. Теперь я калека. По чьей – то чудовищной воле, калека.

События вчерашней ночи ожили у меня в голове. Кем бы ни были те сектанты, они должны, они *обязаны* ответить за сделанное!

Но сначала мне надо выбраться из этого кошмара.

Я долго брел вниз по течению ручья. Иногда я останавливался, чтобы попить воды, на удивление чистой и вкусной. Несколько раз повторялись вчерашние вспышки боли в голове, после которых я останавливался и медленно считал до десяти. Легкий способ проверить, не хватил ли тебя неожиданный инсульт.

Солнце уже готовилось нырнуть за горизонт, когда я вы-

шел из леса. Я стоял, открыв рот, и смотрел на каменную пустошь перед собой и горы, горы, бесконечные гряды исполинских гор. Будто там, за пустошью, выросал новый лес, из черных валунов и резких, словно заточенных ветром клинков – скал.

– А – а – а – а! – кажется, я кричал в отчаянии. Иногда реальность, как плохой музыкант, натягивает нервы, будто струны, слишком сильно. В такие моменты лучше сразу на нее прикрикнуть. Напомнить, что ты живой инструмент. Ведь реальность все еще первозданна, она не поймет уговоров. Но после крика всегда станет легче.

– Кто ты такой? – голос, раздавшийся сзади, застал меня врасплох. Я резко обернулся.

– Боже, помогите, на меня напали... – начал было я, и осекся. Передо мной стояла группа из пяти мужчин, внешне крайне похожих на моих мучителей. Те же глаза, почти прозрачные, пристально изучающие меня. Худощавые овальные лица, огромные уши, темные волосы.

И доспехи. На них были доспехи – кожаные, с металлическими вставками и символами, похожими на виденные мной раньше скандинавские руны. Говоривший со мной сжимал в руке узкий длинный меч, чуть изогнутый, похожий на казачью шашку. В другой его руке был круглый щит.

– Кто ты такой? – повторил он свой вопрос.

– Мое имя Глеб...

– Почему у тебя нет руки?

– Меня пытали этой ночью! Люди в капюшонах, сектанты, они отрезали...

– Это было в Храме? – на миг мне показалось, что в его взгляде промелькнул испуг.

– Это место было похоже на какой – то храм, сферическое помещение с непонятными символами на стенах и отверстием в центре. Вы знаете, кто это был?

– Щиты! – вдруг заорал мой собеседник. Миг – и в руках других воинов появилось оружие и щиты. Они развернулись в сторону леса, выстроились вокруг меня кольцом.

– Глеб, – не глядя на меня, сказал незнакомец. – Мое имя Сван. Ты постоянно должен держаться за нами. Пригнись, иначе можешь умереть. Сейчас мы пойдем в сторону гор, ты не должен выходить из кольца щитов, иначе можешь умереть. Ты не должен отвлекать нас своими вопросами, иначе некто из нас может умереть, или могут умереть все. Идем.

Я хотел что – то сказать, но вопрос застыл комком страха где – то в горле, заставив заткнуться и молча идти в кольце воинов. Те напряженно всматривались в чащу. Я догадался, что они ищут глазами тех самых лучников, так беспощадно стрелявших в меня.

Господи, неужели так выглядит ад? Данте был не прав: здесь только камни, холод и неведение.

Уже изрядно стемнело, когда мы пришли к подножию горы. Здесь, между валунами, была проложена едва заметная тропа. Сван двинулся первым, я шел в середине отря-

да. Оставалось чувство, что меня не охраняют просто так, нет: я пленник, но ценный и оттого неприкосновенный. И я не мог взять в толк, какую ценность мог представлять для этих странных людей.

Пока тропа не скрылась за поворотом, я обернулся; на секунду мне показалось, что на краю леса я вижу чей – то силуэт.

Тем временем мы шли по горной тропе, уходившей вверх по склону. Солнце уже закатилось за горизонт, и на ночном небе сиял Млечный Путь. Наверное, таким странно – белым, величественным и бесконечным я видел его впервые. Кажется, я даже ахнул, настолько захватило дух зрелище ночного неба: словно некто пролил звездное молоко над нашими головами, да позабыл убрать.

Теперь я понял, почему первобытные люди, греясь ночью у костров, видели в небесном куполе сражения богов и чудовищ. Да я и сам видел их в этом странном и чистом небе!

То, что произошло дальше, не входило, не могло войти ни в какие рамки рационального.

Сван остановился у подножия скалы и начал шарить по ней руками. Наткнувшись на знакомый ему уступ, он остановился и прошептал:

– Хейль о сэль, дверг!¹

На скале, словно по волшебству, появились яркие светящиеся полосы, повторяющие контуры дверного проема. Зо-

¹ Добро пожаловать, карлик! – др.-сканд.

лотистый свет, исходивший от них, становился все ярче; раздался долгий, протяжный скрежет, исходивший откуда-то изнутри скалы.

И вдруг я увидел вход.

В образовавшемся проеме (куда только исчез кусок камня?) нас встретил коридор, вырубленный в породах скалы. Он был освещен, но я не видел ни ламп, ни факелов: свет просто был, такой же непонятный, как и дверь в этот коридор.

Сван жестом пригласил меня следовать за ним. Когда мы углубились в проход, то услышали за спиной тот же скрежет, что и ранее. Когда я обернулся, то увидел только каменную стену.

Несколько минут мы шли по коридору, который то и дело сворачивал в разные стороны. Все это время отряд хранил молчание. Я же, повинувшись Свану, до сих пор не проронил ни слова, и не задал ни одного вопроса. Если честно, мне было страшно о чем-то спрашивать.

Больше всего на свете я боялся остаться парализованным или сойти с ума. Я встречал в своей жизни и тех, и других, и даже отсеченная кисть казалась сущей ерундой в сравнении с отчаянными муками этих бедолаг.

И, наблюдая за происходящим, я не переставал себя спрашивать: неужели мое сумасшествие – такое?

Неожиданно мы вышли в громадный зал, высеченный из камня. Потолок подпирали огромные колонны из грани-

та, а стены были усыпаны врезанными в них изваяниями воинов и монстров. Впрочем, монстры походили на людей: великаны с занесенными топорами и молотами, вот – вот они должны были раздавить героев, как надоедливых клопов.

– Это турсы, – вдруг услышал я голос Свана. Оказалось, он внимательно наблюдает за мной. – Когда – то у нас была война с этими чудовищами. Они пытались уничтожить наши миры, но получили достойный отпор.

– Миры? Так их много? – спросил я. Конечно же, я не верил в параллельные вселенные. И в великанов – захватчиков тоже.

– Известных нам миров всего девять. Есть множество осколков, разрушенных частичек пустынных миров, где были жестокие сражения. Думаю, что множество, – Сван замолчал, пристально глядя на барельеф. – Мы сейчас на таком осколке. Тебе известно, что миры круглые?

– Круглые?

– Вернее, они имеют форму шара.

– Конечно, это известно всем. Все планеты... стоп. Ты хочешь сказать, что это другая планете? Мы не на Земле?

– Нет. Не на Земле. И этот мирок – не планета в полной мере. Он плоский, я видел его край. И если с него сорваться, ты упадешь назад, сюда же.

– Как это? – я чувствовал, что разговор выходит за рамки нормальности.

– Мы не можем это объяснить. Ваша наука, называемая

физика, смогла бы. Но мы механики и инженеры. Мы алхимики. Мы не знаем физику так, как вы. Идем, Глеб. Тебе нужно понять многое.

Мы молча двинулись дальше, вглубь зала, и за нашим маленьким отрядом внимательно наблюдали великаны с занесенными над головами молотами.

4

Ведущий сочувственно смотрел на Наташу.

– В каком состоянии сейчас ваш сын? – вкрадчивым голосом спросил он, заглядывая женщине в глаза.

Похоже, его сострадание настоящее. Похоже, он не играет.

– Тяжелое состояние, – ответила Наташа и отвела глаза. – Сами не едим, не пьем. С черепа была снята часть скальпа, – голос матери дрогнул, воздух предатель застрял где – то в горле, не дал закончить предложение.

Наташа расплакалась.

На экране в студии мелькали кадры из жизни женщины. Она говорила в интервью, что Глеб постоянно находится между жизнью и смертью.

– Его судьба, как и моя, изменилась буквально за одну минуту. За мгновение. Я никогда не думала, что случится такое, – Наташа то и дело вытирает глаза, отмахивается от бесконечно набегающих слез. – Я ведь живу, дышу им. Если с ним что – то случится, я не выдержу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.